

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Джейн
ОСТЕН

*Нортенгерское
аббатство*

Москва

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-76

Jane Austen
NORTHANGER ABBEY

Перевод с английского *Анастасии Грызуновой, Елены Суриц*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Остен, Джейн.

О-76 Нортенгерское аббатство / Джейн Остен ; [пер. с англ. А. Грызуновой, Е. Суриц]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-096687-5

Из-под пера Джейн Остен появились самые романтические пары и самые остроумные героини художественной литературы. С удивительной наблюдательностью, большим мастерством и тонким английским юмором описывает Джейн Остен быт и нравы провинциального общества своего времени.

«Нортенгерское аббатство» — самая озорная ее книга, изящная ирония над канонами любовного романа. Родители Кэтрин не слишком богаты, но отнюдь не бедны. Она не слишком красива, но и не дурна собой. Кэтрин наивна, но лишь из-за недостатка жизненного опыта. Она обожает готические романы, и вся ее жизнь, как ей кажется, полна мрачных тайн и загадок. И только благодаря любви героиня обретает новый взгляд на реальность, ей открываются неведомые прежде стороны жизни.

«Доводы рассудка» — короткий бытовой роман, опубликованный посмертно под одной обложкой с «Нортенгерским аббатством». Захватывающая история жизни дочери баронета сэра Уолтера, который оказался в затруднительном финансовом положении. Энн Эллиот влюблена, и ей предстоит принять трудное решение. Что же окажется сильнее: доводы рассудка или веление сердца?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-096687-5

© Грызунова А.Б., перевод на русский язык, 2019
© Суриц Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

НОРТЕНГЕРСКОЕ АББАТСТВО

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА К «НОРТЕНГЕРСКОМУ АББАТСТВУ»

Сия книжица была окончена в 1803 году и предуготовлена к немедленной публикации. Она была отослана книгопродавцу, более того — о ней широко извещалось, и автор так и не нашла возможности узнать, отчего дело не продвинулось далее сего. Поразительно, отчего книгопродавец счел толковым приобрести то, что ему представлялось бестолковым издавать. Но посему ни автору, ни читателям не о чем беспокоиться — разве что потребны некоторые замечания касательно тех фрагментов книги, кои за тринадцать лет сравнительно устарели. Автор умоляет читателей не забывать, что с завершенья сей работы миновало тринадцать лет, с начала — и того более, а за это время нравы, места, книги и мнения значительно переменились.

ГЛАВА I

Кто бы ни узрел Кэтрин Морлэнд во младенчестве, никогда бы не заподозрил, что она рождена героинею. Против сего равно восставали ее положение, нравы отца ее и матушки, а также ее собственные обличье и натура. Отец ее принадлежал к духовному сану, однако не страдал ни от пренебреженья, ни от бедности, был весьма респектабелен, хоть и прозывался Ричардом, — и никогда не отличался красотою. Кроме того, был он в немалой степени обеспечен, даже не считая двух небезвыгодных приходов, и никоим образом не склонялся держать дочерей под замком. Матушка Кэтрин была женщиной дельного и ясного ума, доброго нрава и, что еще замечательнее, приятного склада. До рождения Кэтрин г-жа Морлэнд произвела на свет троих сыновей; и, вместо того чтобы, как всякий бы чаял, скончаться родами дочери, жила далее — жила и родила еще шестерых, наблюдала, как они растут, и благословлена была превосходным здоровьем. Семью с десятистыми детьми непременно назовут прекрасной, если на всех хватает голов, рук и ног; но в остальном нельзя сказать, что семейство Морлэнд располагало особыми правами на подобный эпитет, ибо в целом было весьма невзрачным, и многие годы жизни Кэтрин была не красивее прочих. Худенькая и неловкая фигура, кожа землистая и бесцветная, темные гладкие волосы и резкие черты — на сем мы с ее обликом и покончим; натура же ее для ге-

роизма представлялась не более благоприятной. Кэтрин любила мальчишеские игры и решительно предпочитала крикет не одним лишь куклам, но и более героическим развлечениям детства — взращиванию древесной сони, кормлению канарейки или же поливке розового куста. Вообще-то Кэтрин вовсе не питала вкуса к садоводству, а если и собирала цветы, то разве что озорства ради — во всяком случае, подобные догадки проистекали из того обстоятельства, что предпочитала она цветы, кои ей воспрещалось рвать. Таковы были ее склонности — а способности не менее исключительны. Никогда не удавалось ей нечто узнать или же уразуметь прежде, чем ее научат; и даже тогда сие порой не удавалось, ибо нередко бывала Кэтрин невнимательна, а порою глупа. Матушка три месяца учила ее декламировать «Мольбу нищего»;¹ в результате сестра ее Сэлли, следующая по возрасту, читала стихотворение лучше Кэтрин. Кэтрин не была глупа всегда — отнюдь нет; басню «Зайчиха и ее друзья»² она выучила не копотливее любой барышни в Англии. Матушка желала, чтобы Кэтрин обучалась музицированию; и Кэтрин верила, что полюбит сие занятие, ибо с наслаждением блякала по клавишам старого позаброшенного клавесина; итак, в восемь лет она приступила. Проучилась год и долее вынести сего не смогла; г-жа Морлэнд, не понуждавшая дочерей к образованию вопреки их неспособности либо отвращению, оставила дочь в покое. День, когда уволили учителя музыки, стал одним из счастливейших в жизни Кэтрин. Вкус ее к рисованию не отличался развитостью, хотя, раздобы-

---

¹ «Мольба нищего» («The Beggar's Petition» или «The Beggar», 1766) — сентиментальное стихотворение английского священника Томаса Мосса (1740—1808), монолог нищего, который повествует о своих горестях.

² «Зайчиха и ее друзья» («The Hare and Many Friends», 1727) — басня английского поэта и драматурга Джона Гея (1685—1732) о зайчихе, не нашедшей помощи у многочисленных друзей по причине их чрезмерной многочисленности.

вая у матери пустой оборот письма или же отыскивая любой другой листок, Кэтрин со всем возможным старанием рисовала домики и деревья, кур и цыплят, весьма друг на друга похожих. Письму и счету ее обучал отец; французскому — матушка; Кэтрин выказывала скромные таланты в том и другом и увиливала от уроков, когда только возможно. Сколь странная, непостижимая натура! — ибо в десять лет при всех вышеописанных симптомах распущенности юная дева не обладала ни злым сердцем, ни злым нравом, редко являла упрямство, едва ли — вздорность, была очень добра с малышами, лишь изредка перемежая доброту тиранией; кроме того, была она шумной и буйной, ненавидела домоседство и чистоту, а больше всего на свете любила кувыркаться по травяному склону за домом.

Такова была Кэтрин Морлэнд в десять. В пятнадцать ее обличье выправилось; она стала завивать волосы и мечтать о балах; кожа ее побелела, черты смягчились пухлостью и румянцем, глаза обрели живость, а фигура — стройность. Ее любовь к грязи уступила место склонности к нарядам, и Кэтрин стала опрятна и изящна; ныне она порою имела удовольствие слышать, как отец и матушка отмечают совершенствование ее облика.

— Кэтрин растет весьма миловидной девицей — сегодня она почти красавица, — такие слова временами ловимы были ее слухом — и ах как приятны были сии звуки! Для барышни, что первые пятнадцать лет жизни пробыла дурнушкой, явиться почти красавицей — обречение блаженней, нежели все, чего способна достичь прирожденная красotka.

Г-жа Морлэнд была женщиною очень доброй и хотела, чтобы дети ее стали всем, чем надлежит стать детям; однако дни ее были столь заняты родами и воспитаньем малышей, что старшим дочерям неизбежно приходилось крутиться самим; и что уж тут особо удивляться, если Кэтрин, по природе своей героизмом не располагавшая, в четырнадцать лет предпочитала крикет, мяч, верховую езду

и беготню по округе книгам — по крайней мере, книгам содержательным, ибо вообще-то, если из оных книг невозможно было почерпнуть и намека на полезные знания, если в них содержались сплошь истории и никаких рассуждений, против книг Кэтрин ничего не имела. Однако с пятнадцати до семнадцати она училась на героиню; она читала те книги, кои героиням надлежит читать, дабы набить память цитатами, каковые пригодны и утешительны средь превратностей и многообразья любой героической жизни.

У Поупа научилась она осуждать тех, кто

скорбь надел, как маску в маскард¹.

У Грея — как

часто лилия цветет уединенно,
в пустынном воздухе теряя запах свой².

У Томсона — сколь

сие отрадно
юнцам внушить, как надобно стрелять³.

У Шекспира же она почерпнула бездну сведений — помимо прочего, что

Безделки, легче ветра,
Ревнивцев убеждают так же прочно,
Как слово Божье⁴.

---

¹ Цитата из стихотворения английского поэта Александра Поупа (1688—1744) «Элегия в память несчастной дамы» («Elegy to the Memory of an Unfortunate Lady», 1717).

² Неточная цитата из стихотворения английского поэта Томаса Грея (1716—1771) «Элегия, написанная на сельском кладбище» («Elegy Written in a Country Churchyard», 1750). Вольный перевод В. Жуковского, публиковавшийся под названием «Сельское кладбище» (1802).

³ Сокращенная цитата из поэмы английского поэта Джеймса Томсона (1700—1748) «Весна» («Spring», 1728), вошедшей в его поэтический цикл «Времена года» («The Seasons», 1730).

⁴ У и л ь я м Ш е к с п и р . Отелло. III, 3. Пер. М. Лозинского.

Что

И великану не больней принять
Телесную кончину, чем жучку,
Раздавленному нашею ногою¹.

И что влюбленная юная дева всегда выглядит так,
чтобы,

Как статуя Терпения застыв,
Она своим страданьям улыбалась².

До сих пор развитие Кэтрин протекало успешно — и во многих других областях она великолепно преуспевала; ибо, не умея писать сонеты, все же понудила себя их читать; и, не будучи в силах безмерно восхитить собрание исполнением на фортепьяно прелюдии собственного сочиненья, умела слушать музицирование прочих с невеликой долей утомления. Карандаш был крупнейшим ее упущением: она не обладала навыками рисования, коих доставало хотя бы набросать профиль возлюбленного, в каком-то профиле различалась бы ее рука. В сем Кэтрин была прискорбно далека от высот подлинного героизма. Ныне дева не сознавала своего убожества за отсутствием пригодного к изображенью возлюбленного. Она достигла семнадцати лет, не встретив ни единого приятного юнца, что пробудил бы ее чувствительность, не вдохновив ни единой подлинной страсти, не разжегши даже восхищенья — разве что весьма умеренное и крайне мимолетное. Поистине странно! Впрочем, обыкновенно странно-сти возможно изъяснить, если усердно искать причину. В округе не обнаруживалось ни единого лорда; вот именно — не наблюдалось даже баронета. Среди знакомцев не отмечалось ни одного семейства, что взрастило бы и воспитало мальчика, ненароком найденного под дверью, —

---

¹ Уильям Шекспир. Мера за меру. III, 1. Пер. О. Сороки.

² Уильям Шекспир. Двенадцатая ночь, или Что угодно. II, 4. Пер. Э. Линецкой.

ни одного юноши, чье происхождение не было бы известно. Отец Кэтрин никого не опекал, а сквайр прихода не имел детей.

Впрочем, если юной деве суждено стать героинею, ей не помеха упрямство сорока окрестных семей. Некий случай должен столкнуть ее с героем — и непременно столкнет.

Г-н Аллен, владелец львиной доли собственности в Фуллертоне — деревне, что в Уилтшире, где обитали Морлэнды, — по причине подагрических наклонностей организма призываем был в Бат; супруга же его, добродушная женщина, привязанная к юной г-же Морлэнд и, вероятно, осведомленная о том, что приключений, если таковые не имеют места в родной деревне юной девы, следует искать в местах иных, пригласила Кэтрин с собою. Г-н и г-жа Морлэнд явили совершенную уступчивость, а Кэтрин — совершенный восторг.

ГЛАВА II

В дополнение ко всему, что уже поведано о достоинствах наружности и духа Кэтрин Морлэнд, коей предстоит погрузиться в лишения и опасности полугодового проживания в Бате, следует помянуть ради пущей ясности — на случай, если дальнейшие страницы не явят читателю представленья о характере Кэтрин, — что сердцем она обладала нежным, а нравом жизнерадостным и открытым, без малейшего сомненья или жеманства; ее манеры едва переросли девичью неловкость и застенчивость; облик отличался приятностью, а при удачном стечении обстоятельств — и красотой; ум же был невежествен и несведущ, каким обыкновенно бывает женский ум в семнадцать лет.

Естественно предположить, что с приближением часа расставанья материнская тревога г-жи Морлэнд обострилась до крайности. Тысячи тревожных пред-

чувствий беды, что грозит возлюбленной ее Кэтрин в рассуждении сей непомерной разлуки, вероятно, печалью сжимали сердце матушки и топили ее в слезах день-другой пред отъездом дочери; и, разумеется, напоследок, в протяжении их совещанья в гардеробной г-жи Морлэнд, мудрые уста последней извергали советы крайне важного и уместного свойства. В подобную минуту переполненному сердцу ее надлежало излить предостереженья касательно жестокости пэров или же баронетов, каковые ради забавы силою увозят юных дев на некую удаленную ферму. Ужель возможно ожидать иного? Г-жа Морлэнд, однако, столь мало знала о лордах и баронетах, что никаких подозрений относительно их повальной безнравственности не питала и ни на миг не заподозрила, будто их козни грозят ее дочери. Материнские предостереженья ограничились следующим:

— Пожалуйста, Кэтрин, непременно получше кутай горло, когда станешь выходить из зал ввечеру; и, прошу тебя, постарайся записывать свои траты — вот тебе для сего книжица.

Сэлли — точнее, Саре (ибо какая юная дева обыкновенного благородства доживет до шестнадцати лет, не переменяв, насколько возможно, своего имени?) полагается к сему дню быть ближайшей подругою своей сестры и ее наперсницей. Примечательно, однако, что сестра не потребовала от Кэтрин писать со всякой почтою и не понудила к обещанью живописать нрав всякого нового знакомого и подробности всех занимательных бесед, кои в Бате могут приключиться. Всё в отношении важного сего путешествия Морлэнды осуществили с выдержкою и хладнокровьем, кои более пристали обыкновенным переживаниям обыкновенной жизни, чем утонченной впечатлительности, нежным чувствам, каковые надлежит пробудить первой разлуке героини с родными. Отец Кэтрин, взамен открытья для дочери неограниченного кредита у своего банкира или хотя бы врученья кредитного билета на сотню фунтов,

выдал Кэтрин всего лишь десять гиней и посулил добавить, когда сие будет ей желанно.

Под столь малообещающей звездой состоялось расставанье и началось путешествие. Свершилось оно в подбавляющей безмятежности и монотонной безопасности. Ни разбойники, ни бури не оказали путникам внимания, и ни единый благоприятный случай не свел их с героем. Не произошло ничего серьезного — разве только г-жа Аллен опасалась, что позабыла свои деревянные башмаки на постоялом дворе; но и эти переживания, к счастью, оказались беспочвенны.

Они прибыли в Бат. Кэтрин переполнял жадный восторг; экипаж приближался к изысканным и живописным предместьям, затем катил улицами, что вели к гостинице, и взор юной девы метался туда, сюда и повсюду. Кэтрин приехала в Бат, дабы стать счастливой, и счастье уже осенило ее.

Вскоре они поселились в уютных комнатах на Палтни-стрит.

Ныне целесообразно будет несколько описать г-жу Аллен, дабы читатель в силах был судить, каким манером поступки ее в дальнейшем способствуют перипетиям романного сюжета и как она, вероятно, причастна будет ко всем беспросветным горестям бедной Кэтрин, какие только в состоянии предоставить последний том, — неблагоприятьем ли своим, вульгарностью или же завистью, перехватывая письма Кэтрин, развращая ее натуру или же выставив несчастную деву за порог.

Г-жа Аллен принадлежала к многочисленному племени женщин, чье общество может возбудить лишь удивление тем обстоятельством, что на свете нашелся хоть один мужчина, питавший к ней расположение, силою своей достаточное для женитьбы. Дама сия не обладала ни красотою, ни талантами, ни образованием, ни воспитанностью. Благородная наружность, великая умиротворенность, бездеятельный, однако добрый нрав и суетность натуры — больше нечем объяснить, отчего

она стала избранницей здорового, разумного г-на Аллена. В одном отношении она замечательно годилась, чтобы ввести юную деву в общество, — как любая молодая дама, г-жа Аллен любила повсюду бывать и все видеть самолично. Она питала страсть к нарядам. Весьма безобидно сия дама наслаждалась собственной элегантностью; и вступление нашей героини в жизнь неумолимо отсрочилось на три-четыре дня, в протяжении коих были изучены популярнейшие уборы, а компаньонка обзавелась наимоднейшим платьем. Равно и Кэтрин свершила некие покупки, и едва сии дела были улажены, настал знаменательный вечер, кой привел ее в «Верхние залы»¹. Волосы Кэтрин были подстрижены и уложены лучшим куафером, платье надето со всем тщанием, и г-жа Аллен, а также служанка оной провозгласили, что Кэтрин выглядит именно так, как ей надлежит. Сии похвалы внушили Кэтрин надежду, что ей удастся по меньшей мере пройти сквозь толпу, не подвергнувшись критике. Что же до восхищения, Кэтрин радовалась, если таковое имело место, однако не рассчитывала на него.

Г-жа Аллен так долго облачалась, что в бальную залу они явились поздно. Сезон был в разгаре, зала полна, и дамы втиснулись внутрь, как могли. Г-н Аллен же направился напрямиком в карточный салон, оставив дам в одиночестве наслаждаться давкой. Более заботясь о неприкосновенности наряда, нежели об удобстве протезе, г-жа Аллен пробиралась сквозь собрание мужчин у двери с поспешностью, кою только позволяли потребные предосторожности; Кэтрин, однако, держалась по обок и столь прочно оплела рукою локоть подруги, что их не могли разъединить потуги бурлящего собрания. Впрочем, к великому своему потрясению, Кэтрин узрела, что ходьба по зале отнюдь не избавляет от толчеи; таковая, пожалуй, возрастала по мере их продви-

---

¹ «Верхние залы» — помещение для публичных балов, построенное в Бате в 1771 г. Джоном Вудом-мл. (1728—1781).

женья, хотя Кэтрин полагала, будто, отойдя от двери подалее, они с легкостью отыщут кресла и смогут в превосходном уюте наблюдать танцы. Сии мечтанья, однако, оказались далеки от действительности, и хотя посредством неустойчивого усердия подруги выбрались к противоположной стене, положение их не переменилось: они не видели танцоров, но лишь длинные перья дам. Они продолжали идти в поисках лучшей доли; неустанные усилия и находчивость вывели их наконец в проход за самой высокой скамьею. Здесь толпа отчасти поредела, и посему юной г-же Морлэнд открылся обширный вид на собрание внизу и на все опасности ее недавнего похода сквозь оное. Зрелище было великолепное, и Кэтрин впервые за вечер почувствовала себя на балу; ей хотелось танцевать, однако в зале не обнаруживалось ни единого знакомого. Г-жа Аллен делала все, что в подобной ситуации возможно, то и дело весьма безмятежно повторяя:

— Жаль, дорогая моя, что вы не танцуете, — хорошо бы вам найти партнера.

Некоторое время юная подруга была ей за подобные желания признательна, однако повторялись они столь часто и оказались столь бездейственны, что Кэтрин в конце концов утомилась и больше г-жу Аллен не благодарила.

Но ненадолго обрели они возвышенный отдых, коего с таким трудом добивались. Вскоре все зашевелилось, направляясь пить чай, и подруги принуждены были толкаться вместе с прочими. Кэтрин уже отчасти расстроилась — ее изнурил неотступный напор людей, совокупность лиц коих вовсе не представляла интереса и с коими она была столь бесконечно незнакома, что не могла утишить досаду заточенья обменом парой слов с другим узником; а когда они все-таки прибыли в чайную залу, Кэтрин стало еще неловче, ибо не нашлось группы, к коей можно было присоединиться, знакомого, к коему обратиться, джентльмена, кой поухаживал бы